

Кто бы мог подумать, что с самого утра двоюродный брат Хуа будет холоден как лед. Раньше, слушая оперы, Юэ'э слышала только о том, что сердце мужчины подобно железу, о предательстве и неблагодарности, но она всегда считала, что это всего лишь театр. Однако, столкнувшись с этим лично, она поняла, что в мире действительно существуют такие вещи, как изменение сердца за одну ночь. Ха... Вино первой брачной ночи еще не выветрилось, свечи с изображением дракона и феникса еще не высохли, а обряд соединения волос, символизирующий супружескую верность и любовь, все еще ярко лежит на кровати, и вдруг все изменилось! Разве не говорят, что у литераторов есть гордость, что они не забывают друзей из бедности, что не бросают жен, которые делили с ними трудные времена? Как же так...

Ах да, она ведь не жена! Не его жена. Этим утром двоюродный брат Хуа прямо при слугах сказал: «Наложница Жуань». Двоюродный брат Хуа, что с тобой случилось? Неужели ты только сегодня утром вдруг понял, что у тебя уже есть жена?

Юэ'э уставилась на Гу Мо.

Мужчина.

Жена?

Смешно!

Просто смешно! Мужчина, не говоря уже о его происхождении, внешности и боевых навыках, если он настоящий мужчина, выросший в армии, имеющий военные заслуги, как он может так унизиться, чтобы стать похожим на женщину, выйти замуж, рожать детей и жить в заднем дворе! Видимо, все это — его собственное унижение.

Гу Мо, проведший годы на поле боя, был крайне чувствителен к чужим взглядам. Ощувив на себе злобный взгляд сзади, он, закончив пение, обернулся. Позади, кроме служанки, стояли двое.

Лин'эр, слушая оперу, застыла, и, увидев, что Гу Мо смотрит на нее, покраснела и опустила глаза. Затем, быстро подняв взгляд, она с улыбкой сладко произнесла:

— Вторая невестка, — сверкнула своими маленькими клычками, полными озорства.

— Проказница! — с улыбкой сказала госпожа Ань. — Твоя бабушка уже говорила, что нужно называть его господином Гу.

Лин'эр не смутилась и не разозлилась, лишь хихикала, словно получила какой-то секрет.

А вот Юэ'э, стоящая рядом с Лин'эр, с того момента, как Гу Мо обернулся, опустила голову, но в руках у нее был плотно скрученный платок, который она сжимала так сильно, что кончики ее изящных пальцев стали фиолетовыми, а суставы побелели. Гу Мо все понял: видимо, это еще один из любовных долгов Ань Шаохуа, и гнев обрушился на него. Гу Мо скривил губы, чувствуя, что его незаслуженно ненавидят. Он взглянул на виновника — Ань Шаохуа, который, встретившись с ним взглядом, тут же улыбнулся, улыбкой, полной тепла и невинности. Гу Мо остался бесстрастным, но внутри поднял средний палец. Ах! Как же хочется сейчас выругаться.

Но, если подумать, двоюродные братья и сестры — это классика древних романтических историй. После основания страны запретили браки между близкими родственниками, и это положило конец такой моде. Что-то вроде «знания корней», «тетя/тетка как свекровь не будет

мучить невестку» и тому подобное. Все это — «говорят другие». Если бы Гу Мо сам сказал, корень этой проблемы лежит прямо перед глазами — Ань Шаохуа.

Этот Ань Шаохуа — настоящий мужчина с нулевым эмоциональным интеллектом. Он даже не смотрит, что происходит в его внутреннем дворе Двора Струящегося Света, просто продолжает приводить людей, словно у него какая-то мания коллекционирования. Он думает, что, собрав всех типов красавиц, он станет настоящим донжуаном, но на самом деле? Там царит хаос, грязь, и все демоны показывают свои способности.

Если|BATCH_START|

|CHAPTER_ID:1|

|CONTENT|

Кто бы мог подумать, что с самого утра двоюродный брат Хуа станет холоден как лед. Раньше, слушая оперы, Юэ'э слышала только о том, что сердце мужчины подобно железу, о предательстве и неблагодарности, но она всегда считала, что это всего лишь театр. Однако, столкнувшись с этим лично, она поняла, что в мире действительно существуют такие вещи, как перемена в чувствах за одну ночь. Ха-ха... Вино брачной ночи еще не выветрилось, свечи с изображением дракона и феникса еще не высохли, а обряд связывания волос, символизирующий супружескую верность и любовь, все еще ярко лежит на кровати, и вдруг все изменилось! Разве не говорят, что у литераторов есть гордость, что они не забывают друзей из бедности, что не бросают жен, разделивших с ними трудные времена? Как же так...

Ах да, она ведь не жена! Не его жена. Этим утром двоюродный брат Хуа прямо при слугах сказал:

— Госпожа Жуань, наложница.

Двоюродный брат Хуа, что с тобой случилось? Неужели ты только сегодня утром вдруг понял, что у тебя уже есть жена?

Юэ'э уставилась на Гу Мо.

Мужчина.

Жена?

Смешно!

Просто смешно! Мужчина, не говоря уже о его происхождении, внешности и боевых навыках. Если он настоящий мужчина, выросший в армии, имеющий военные заслуги, как он может так унизиться, чтобы стать похожим на женщину, выйти замуж, рожать детей и жить в заднем дворе! Видимо, все это — его собственное низкопоклонство.

Гу Мо, прошедший годы на поле боя, был крайне чувствителен к чужим взглядам. Ощувив на себе злобный взгляд сзади, он, закончив пение, обернулся. Позади, кроме служанки, стояли двое.

Лин'эр, слушая оперу, застыла, и, увидев, что Гу Мо смотрит на нее, покраснела и опустила глаза. Затем, быстро подняв взгляд, она с улыбкой сладко произнесла:

— Вторая невестка,

сверкнув своими маленькими клычками, полными озорства.

— Проказница! — с улыбкой сказала госпожа Ань. — Твоя бабушка уже говорила, что нужно называть его господином Гу.

Лин'эр не смутилась и не разозлилась, лишь хихикала, словно получила какой-то секрет.

А вот Юэ'э, стоящая рядом с Лин'эр, с того момента, как Гу Мо обернулся, опустила голову, но в руках у нее был плотно скрученный платок, который она сжимала так сильно, что кончики ее изящных пальцев стали фиолетовыми, а суставы побелели. Гу Мо все понял: видимо, это еще один из любовных долгов Ань Шаохуа, и гнев обрушился на него. Гу Мо скривил губы, чувствуя, что его незаслуженно ненавидят. Он взглянул на виновника — Ань Шаохуа, который, встретившись с ним взглядом, тут же улыбнулся, улыбкой, полной тепла и невинности. Гу Мо остался бесстрастным, но внутри поднял средний палец.

«Ах! Как же хочется сейчас выругаться».

Но, если подумать, двоюродные братья и сестры — это классика древних романтических историй. После основания страны запретили браки между близкими родственниками, и это положило конец такой моде. Что-то вроде «знания корней», «тетя/тетка как свекровь не будет мучить невестку» и тому подобное. Все это — «говорят другие». Если бы Гу Мо сам сказал, корень этой проблемы лежит прямо перед глазами — Ань Шаохуа.

Этот Ань Шаохуа — настоящий мужчина с нулевым эмоциональным интеллектом. Он даже не смотрит, что происходит в его внутреннем дворе Двора Струящегося Света, просто продолжает приводить людей, словно у него какая-то мания коллекционирования. Он думает, что, собрав всех типов красавиц, он станет настоящим донжуаном, но на самом деле? Там царит хаос, грязь, и все демоны показывают свои способности.

Если бы не его предусмотрительность, с которой он забрал Сяо Доумяо и Цзинхэ и рано уехал, сейчас все могло бы быть иначе. Такое грязное место не способствует здоровью детей.

Но, если подумать, может быть, раннее взросление древних людей связано с тем, что они с детства видят и слышат подобное?

После приветствия время было еще ранним. Ань Шаохуа вдруг захотел заглянуть в управу. Вчера на церемонии принятия наложницы его начальник, помощник управляющего Палаты наказаний, господин Пэй, лично сказал, что даст ему три дня отдыха. Тогда он, чтобы получить эти три дня отдыха, выпил три чашки подряд, с трудом произнося слова благодарности. Но, проснувшись, он почувствовал, будто не был в управе десятилетия, и ему вдруг стало скучно.

Палата наказаний состоит из четырех управ, и Ань Шаохуа сейчас работает в Управе Палаты наказаний на должности писца, шестого ранга, ежедневно проверяя дела, поступающие из разных мест. Если он согласен с решением, то передает его начальнику. Если есть сомнения, то идет к помощнику управляющего за советом или проводит расследование. На этой должности можно быть как ленивым, так и усердным, и, если посвятить себя делу, со временем можно добиться значительных успехов.

Наскоро позавтракав, он вышел из дома. Хотя было еще рано, время утреннего сбора уже прошло. Ань Шаохуа не спешил, медленно шел с Фугуем к «Шести Вратам». Несколько лет назад три управы были просто тремя управами, и простые люди, если у них не было дел,

предпочитали обходить их стороной, а если нужно было пройти мимо, то шли быстро, сгорбившись. Все выглядели виноватыми.

Но в последние годы в столице открылись два чайных дома, где пригласили двух слепых мастеров звукоподражания, которые вместе с рассказчиками повествовали о странных и загадочных делах, таких как «Дело о пуговице Инь-ян», «Дело о безголовой женщине», «Дело о женщине-призраке в красном». Каждый день они рассказывали всего полчаса, и одно дело могло длиться больше двух недель. Три управы превратились в «Шесть Врат», и там появилось множество легендарных сыщиков: кто-то мог лазить по стенам, кто-то разговаривать с мертвыми, кто-то видеть мельчайшие детали, кто-то умел расследовать, кто-то выведывать секреты, кто-то проникать в преступные группировки, а кто-то умел заставить упрямых преступников на суде случайно проговориться и признать свою вину... и так далее.

Те, кто немного разбирается в расследованиях, знают, что в нашей династии больше ценятся вещественные доказательства, чем свидетельские показания, и нет адвокатов, которые бы стояли в зале суда и спорили с сыщиками. Адвокаты и юристы помогают в судебных делах, обычно не связанных с убийствами, а больше с мелкими спорами о земле или имуществе. Но простые люди этого не знают, и рассказчики действительно хорошо справляются, и люди любят слушать. И это не нарушает запретов, чиновники — это справедливые судьи, сыщики — преданные слуги, а иногда рассказывают о подаче жалоб императору, который действительно любит свой народ как детей. Постепенно отношение людей к «Шести Вратам» изменилось.

Особенно в последнее время, когда рассказчики выдумали «Левого и Правого Посланников». Левый Посланник Шести Врат был настолько красив, что не походил на смертного, предпочитал носить белые одежды, обладал невероятной легкостью в движениях, был очень умным, но холодным и бесстрастным, и его лицо редко озаряла улыбка. Правый Посланник был добрым и горячим юношей, любившим смеяться и действовавшим импульсивно. Он обладал отличными боевыми навыками, которые перенял у учителя с горы Пэнлай, но, выросший в горах, был очень доверчивым. Он часто влюблялся в красивых подозреваемых, которых использовали, бросали, и в конце его спасал Левый Посланник. И так по кругу.

Коллеги, работающие в Шести Вратах, рассказывали, что их домашние даже спрашивали, кто эти Левый и Правый Посланники, и можно ли их пригласить в гости. Все долго смеялись над этим. Думая об этом, Ань Шаохуа почувствовал, что что-то важное ускользает от него, и это вызывало странное беспокойство.

Ань Шаохуа шел все быстрее, но вдруг остановился. Эти смутные тревоги в его сердце были непонятны. Он поднял голову, солнце уже поднялось высоко, на улице торговцы сворачивали свои лавки с соевым молоком, жареными палочками и луковыми лепешками, а несколько детей играли рядом, держа в руках масляные лепешки. Все было как обычно, но в душе оставалось чувство неуверенности. Неужели что-то должно произойти?

К своему странному «интуитивному чувству» Ань Шаохуа относился с пренебрежением. Наверное, вчера он слишком увлекся, и сегодня это сказывается. Подумав об этом, он решил, что не пойдет в Палату наказаний. Он стоял на углу улицы, оглядываясь по сторонам.

С выходных вдруг захотелось написать о родителях Гу Мо — о, нет, это папа и папа. Два дня пыхла, выдавив историю, полную горя и обид, трогательную до слез, от которой слушатели плачут, а зрители льют слезы. Начала писать с нескольких десятилетий назад и в итоге превратила Почтенного господина Гу в маленького белокочанного кочана, измученного судьбой, но с сердцем истинного железного мужа, к тому же обдуваемого ветрами, дождями и грозами. Разлила море «собачьей крови» (мыльной драмы). Вчера с радостью показала

подруге, а она сказала: «Не хочу читать воспоминания».

Так и появилась эта свежая, горячая глава.

В течение двух глав будет «мясо». Ладно, в худшем случае — просто запах мяса.

Касательно запахов: с моей вытяжкой, наверное, что-то не так. Как только наступает время обеда, я могу учуять, что едят соседи по всей лестничной клетке. Удовлетворяет даже скрытые voyeuristic наклонности.

<http://bllate.org/book/16674/1529284>